ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА 24.2.336.02,
созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Министерства науки и высшего образования Российской Федерации
ПО ДИССЕРТАЦИИ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК

аттестационное дело № _____
решение диссертационного совета от 29.09.2026 № 59

О присуждении Володиной Светлане Вячеславовне, гражданину Российской Федерации, ученой степени доктора юридических наук

Диссертация на тему: «Принцип доверия в системе основ конституционного строя Российской Федерации» по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки принята к защите 23.06.2026 (протокол заседания № 40) диссертационным советом 24.2.336.02, созданным на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (далее – Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)) Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (адрес: 125993, г. Москва ул. Садовая-Кудринская, д.9, стр.1) на основании приказа Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 года № 904/нк.

Соискатель Володина Светлана Вячеславовна, 31 марта 1990 года рождения, в 2012 году окончила с отличием федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по специальности «Юриспруденция» присвоена квалификация «Юрист» (специалитет).

В 2015 году Володиной Светлане Вячеславовне была присуждена ученая степень кандидата юридических наук по итогам защиты диссертации в федеральном

государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». Диплом выдан 26 февраля 2016 года, регистрационный номер 223/нк-16.

С 02.04.2023 по 02.04.2026 года С.В. Володина проходила обучение в докторантуре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на кафедре конституционного и муниципального права.

С 1 сентября 2022 года по настоящее время соискатель является доцентом кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Диссертация выполнена на кафедре конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Научный консультант – **Дудко Игорь Геннадьевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ.

Официальные оппоненты:

Бондарь Николай Семенович доктор юридических наук, профессор, заведующий Центром судебного права ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ;

Крусс Владимир Иванович доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»;

Троицкая Александра Алексеевна доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Дали аргументированные и развернутые положительные отзывы на диссертацию.

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева» г. Екатеринбург, дала положительный отзыв на диссертацию. Отзыв ведущей организации подготовлен и

подписан заведующим кафедрой конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, доктором юридических наук, профессором Саликовым Маратом Сабирьяновичем, утвержден ректором ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева», доктором юридических наук, профессором Бубликом Владимиром Александровичем.

Ведущая организация отметила, что диссертация Володиной Светланы Вячеславовны на тему «Принцип доверия в системе основ конституционного строя Российской Федерации» является самостоятельной, завершенной научно-квалификационной работой, выполненной на высоком методологическом уровне, обладающая внутренним единством, содержащая новые научные результаты и важные теоритические положения, совокупность которых можно квалифицировать как серьезное научное достижение, что свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в развитие конституционно-правовой науки. В представленном исследовании сформулированы рекомендации практического плана. Диссертация соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора юридических наук, установленным разделом II Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в актуальной редакции), а соискатель – Володина Светлана Вячеславовна, заслуживает присуждения ей ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Отмечая несомненные достоинства диссертационного исследования, ведущая организация обозначила ряд дискуссионных вопросов, которые требуют пояснения и уточнения:

1. В первом положении, выносимом на защиту, автор утверждает, что «правовое доверие выступает в качестве нематериального актива демократического государства». Позиция автора требует пояснения. Означает ли это, что в государствах с иным политическим режимом правовое доверие отсутствует.

2. Научной новизной обладают положения диссертации, в которых представлена характеристика конституционных принципов и особо обобщенный вывод. Вполне уместной и логичной в исследуемом вопросе была бы авторская классификация конституционных принципов.

3. В диссертационном исследовании весьма обстоятельно рассмотрены конституционные процедуры взаимодействия Государственной Думы и Правительства РФ на основе принципа доверия. Сформулирован вывод об усилении контроля Государственной Думы за деятельностью Правительства РФ. Вместе с тем, автор предлагает установить персональную ответственность членов Правительства РФ. Однако в работе не изложены критерии, на основании которых Государственная Дума вправе выразить недоверие члену Правительства РФ.

4. В работе рассмотрены особенности реализации принципа доверия в статусе и деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. На С. 194 диссертации автором сформулирован вывод о том, что принцип доверия применительно к институту уполномоченного по правам человека реализуется в трех основных системах отношений. В качестве первой указано: «1. Уполномоченный защищает граждан от нарушений принципа доверия со стороны государства (например: ретроактивное применение законов)». Данное положение требует развернутой аргументации.

5. В диссертации обстоятельно исследуются проблемы осуществления принципа доверия в информационном («цифровом») пространстве. Автором обоснованно применение понятия «цифровое доверие». Выделены компоненты и инструменты обеспечения цифрового доверия. В рамках анализа «цифрового доверия» вполне уместным было бы разграничение между «технологическим доверием» (к алгоритмам, ИИ) и «правовым доверием» к субъектам, использующим цифровые технологии.

6. В диссертации рассмотрен зарубежный опыт осуществления правового и социального доверия в Бразилии, Индии, Китае, странах, входящих в БРИКС. Выявлена специфика социального доверия в каждой из стран и общие тенденции

развития. Однако отсутствует вывод о том, какая практика данных государств применима в России в контексте принципа доверия.

На диссертацию и автореферат поступили положительные отзывы.

Официальный оппонент, доктор юридических наук, профессор **Бондарь Николай Семенович** положительно оценив диссертацию, отметил, что в работе имеются положения, носящие дискуссионный характер:

1) В рамках первого замечания (и, своего рода размышления) хотелось бы затронуть вопрос о том, насколько выверенными оказались методологические подходы к решению обозначенных в плане диссертационного исследования вопросов. Судя по общему замыслу, логика исследования определялась движением от общего к конкретному, от сущностных характеристик принципа доверия к его реализации в определенных сферах конституционно-правовой жизни общества, государства и личности. В этом плане, вероятно, именно первая глава должна претендовать на роль методологической основы. Уже поэтому, например, первый параграф действительно мог бы быть посвящен аксиологическим характеристикам категории доверия, а не самим по себе конституционным ценностям; как и второй параграф интересен не абстрактным анализом конституционных принципов в правовой системе, а методологией юридического оформления категории доверия не только как конституционной ценности, но и как конституционного принципа. Как в связи с этим влияет такое «удвоение» на саму природу исследуемого явления? И вообще: как соотносятся характеристики доверия, выступающего в качестве: а) конституционной ценности; б) конституционного принципа; в) конституционной категории; г) принципа основ конституционного строя? Эти вопросы уместны уже потому, что есть мнение, например, о том, что «если ценности сводить исключительно к нормативному содержанию …конституционных принципов, то тем самым ставится под сомнение вообще необходимость существования такого понятия, как конституционные ценности» (это – мнение известного специалиста по проблемам аксиологии С.А. Белова). Очевидно, что эти и им подобные вопросы имеют методологическое значение для решения многих других диссертационных проблем.

2) В продолжение методологических аспектов уместно отметить, что одним из важных авторских положений является формулирование категории «правового доверия» (этому посвящено первое положение, выносимое на защиту). Между тем, анализ ни самого по себе положения, ни соответствующего текста диссертационного исследования не позволяет установить, каково же собственно юридическое (правовое) содержание данной категории и каким образом правовое доверие соотносится с доверием вообще (тем более, что наименование диссертационного исследования оперирует именно общим понятием доверия)?

Вызывают сомнение в этом плане и предложенные критерии разграничения понятий *социального* доверия и *правового* доверия (положение № 2, выносимое на защиту; стр. 37 и др.). Разве правовое доверие, в основе которого, по мнению диссертанта, лежат конституционные ценности, не содержит, например, нравственные начала или «социальные ценности» (которые присущи, как считает автор, исключительно социальному доверию)? Может, в данном случае (для разграничения указанных категорий) важно учитывать прежде всего предусмотренные законом *юридические последствия* той или иной формы проявления доверия\недоверия?

В этом плане (в дополнение) может быть поставлен и вопрос о *политической составляющей категории доверия*, имея в виду как социальное, так и правовое доверие/недоверие. Применительно к рассматриваемым в диссертации сферам реализации принципа доверия это имеет принципиально важное значение; например, разве возможна реализация принципа доверия в конституционной модели взаимодействия Государственной Думы и Правительства РФ без политической составляющей? Другое дело, что речь, вероятно, должна идти не о политизации правового доверия, а о юридизации политических по своей природе соответствующих отношений, например, в системе разделения властей. А, возможно, существуют и иные проявления доверия как социального (или в более широкой коннотации – философского) феномена, которые могут иметь значения для его юридической интерпретации? В каком соотношении с иными проявлениями будет находиться правовое доверие?

Как, по мнению автора, следует классифицировать политическое доверие, с одной стороны, рассматриваемое в свете Конституции в качестве сугубо правового основания для применения мер конституционно-правовой ответственности (удаление в отставку Правительства РФ или роспуск Государственной Думы), а с другой – являющееся по своей сути как политическим, так и формально-юридическим актом органа народного представительства (реализуемого в пределах конституционных полномочий Государственной Думы)?

3) Автор последовательно отстаивает идею наполнения категории доверия конституционным содержанием (как через инструменты конституционных ценностей, так и конституционных принципов). Между тем, в первом же положении, выносимом на защиту, автор констатирует, что правовое доверие должно поддерживаться в состоянии баланса, «чтобы не смещать вектор движения к любой абсолютизации (тотальное доверие/недоверие)» (стр. 11). В чем, по мнению автора, опасность тотального доверия между личностью, обществом и государством (если мы все же придерживаемся концепции взаимности в данной категории), в том числе учитывая согласие автора с позицией А.Н. Кокотова в том, что «принцип доверия выступает правовым идеалом, целевым ориентиром» (стр. 86)? Каким образом порок абсолютного доверия, обозначенный автором, соотносится с идеей доверия как конституционной ценности (конституционного принципа)? Можно ли в таком случае утверждать, что абсолютное правовое государство, а также абсолютно демократическое правление также сомнительны?

4) Говоря о доверии как конституционной категории, автор размышляет преимущественно об одной из форм проявления подобного доверия – доверия граждан к государству (публичной власти, закону и др.). Именно этот контекст является определяющим для автора в рамках основного повествования. Между тем, уже в положении № 4, выносимом на защиту, автор отмечает, что сам принцип доверия в конституционном праве не может сводиться исключительно к доверию государству со стороны граждан. В частности, автор выделяет такое проявление принципа доверия как «доверие государства к гражданам, институтам гражданского общества, результатам их деятельности». Представляется крайне важным услышать

позицию автора относительно реальных правовых инструментов реализации данного аспекта доверия? Какое правовое выражение может иметь данный аспект и имеет ли он уже какую-либо реализацию в рамках действующего отечественного правопорядка? Существует ли (или может существовать?), по мнению автора, какая-либо ответственность для государства, не оправдывающего доверие (в рамках конкретной правовой процедуры или реализации конкретного правоотношения) своих граждан?

Отдельного объяснения требует и выделяемый автором аспект взаимного доверия между частными субъектами («доверие во взаимодействии граждан, включая отношения в рамках институтов гражданского общества»). Насколько эта сфера подлежит правовой регуляции? Можно ли оценить эффективность такого регулирования и каким образом это сделать? В чем конституционная ценность закрепления подобного аспекта в рамках сугубо правовой (по мнению автора) категории доверия? Кроме того, насколько подобный подход согласуется с авторским утверждением о том, что «одним из основных отличий доверия в праве от других социально-гуманитарных сфер проявления, определяется его субъектно-объектным составом, где и субъектов и объектом доверия может выступать не только человек, но и государство» (стр. 33)?

5) Требует дополнительных пояснений авторская концепция конституционных оснований категории доверия. В частности, автор предлагает разные подходы для анализа названной категории: доверие как конституционная ценность (параграф 1 главы 1); доверие как конституционный принцип (параграф 2 главы 1); доверие как конституционное «определение», а в некоторых случаях – конституционная «дефиниция» (стр. 58 и др.). При этом автор разграничивает данные подходы, что неизбежно влечет за собой и «расщепление» категории доверия в его предлагаемом конституционно-правовом понимании. Кроме того, анализируя конституционную природу категории доверия (кстати, не правового доверия, а именно доверия!), автор фактически приводит преамбулу, весь набор основ конституционного строя (глава 1), а также гарантирующую часть главы 2 Конституции Российской Федерации. При таком определении конституционных оснований собственное конституционное

значение категории доверия выглядит достаточно абстрактно. Возможно ли, по мнению автора, когда самостоятельная (или претендующая на такое свойство) конституционная категория имманентно растворяется в ключевых положениях основ конституционного строя, которые, как отмечает сам автор, не всегда являются конституционными принципами «в специальном значении» (стр. 58)?

6) Весьма интересным представляется тезис автора о том, что принцип доверия наиболее часто раскрывается через действующие правовые презумпции добросовестности. Между тем, отдельные из этих презумпций ставят весьма серьезный вопрос о субъектном составе конституционных отношений, опосредованных принципом доверия. Так, в частности, отмечая принцип добросовестности законодателя как проявление реализации конституционного принципа доверия (положение № 5, выносимое на защиту), автор не раскрывает субъектный состав указанных отношений. Не получается ли в данном случае, что презумпция добросовестности законодателя ориентирована в значительной степени на государство (особенно с учетом выведения данной презумпции в практике Конституционного Суда РФ, обосновывающего таким образом идею собственной конституционной сдержанности в отношении оспоримых с конституционной точки зрения актов? Можно ли в таком случае говорить о том, что доверие как конституционная категория (принцип или ценность) приобретает, своего рода, внутригосударственное действие? Каковы в таком случае правовые инструменты реализации данного принципа, его правовые пределы, гарантии?

7) Автор неоднократно обращается к категории конституционного правопорядка, что в рамках данной темы вполне оправданно. Но в отсутствие уточнения, что понимается под конституционным правопорядком (содержание которого в доктрине трактуется по-разному), не вполне очевидным, нуждающимся в дополнительном пояснении является, например, утверждение, что «доверие является частью провозглашаемого конституционного правопорядка» (положение № 3) или как понимать, что обеспечение конституционного правопорядка является «целью и одновременно условием развития основ конституционного строя России» (положение № 5, стр. 14).

8) Важной представляется авторская позиция относительно осуществления принципа доверия в системе публичной власти России (глава 3 исследования). Раскрывая соответствующие вопросы, автор сконцентрировала внимание преимущественно на двух основных направлениях: взаимодействие Правительства РФ и Государственной Думы (в вопросах выражения недоверия и постановки вопроса о доверии), а также деятельность Уполномоченного по правам человека в РФ. Между тем, не вполне понятно, по какой причине из орбиты внимания автора исключенными оказались вопросы управленческого взаимодействия Президента РФ и отдельных должностных лиц федерального и регионального уровня, которые напрямую предполагают конституционный институт доверия: в части, касающейся прекращения полномочий последних *в связи с утратой доверия*. Применимы ли авторские разработки и концепции к данной правовой категории? Возможно ли рассматривать внутригосударственный аспект (преимущественно управленческого свойства) доверия соотносимым с концептуальными философскими идеями, постулируемыми автором в первой главе своего исследования?

9) В продолжение предыдущего замечания можно сказать и о не вполне обоснованном авторском исключении судебной власти из числа анализируемых институтов в контексте изучения категории доверия. Аксиоматическим является тезис о том, что доверие к государству во многом строится на доверии к его судебной системе. При этом автор лишь попутно касается данной проблемы (стр. 91–94). Между тем, без ответа остается вопрос о том, в какой форме, например, может быть реализован принцип поддержания доверия граждан к действиям государства в лице судебной власти? Какие проблемные аспекты могут возникать в данном отношении? Возможно ли в принципе применение политической по своей сути категории доверия в системе правосудия, ориентирующейся преимущественно на правовые, а не политические установки? Имеет место и проблема внутрисистемного доверия: насколько должно учитываться (и должно ли в принципе) наличие/отсутствие доверия между судебными инстанциями (тем более в контексте последующей ревизии судебного решения в рамках судебного пересмотра)?

10) Анализируя проблемы цифрового доверия (глава 4), автор отмечает отдельные сферы и проявления общественной жизни, в рамках которых доверие выступает в качестве критически значимой характеристики (обработка персональных данных, в особенности биометрических и др. – стр. 280). Но какая специфика собственно цифровой среды в контексте исследуемого вопроса? Не вполне понятно, приобретает ли принцип доверия какие-либо особые характеристики в ситуации, например, обработки персональных данных исключительно в цифровом виде? Может ли государство игнорировать доверие населения в ситуации осуществления своей деятельности в аналоговом виде? Означает ли изменение формы взаимоотношений между личностью, обществом и государством изменение сущности этих взаимоотношений, требующее переосмысления базовых подходов, в том числе и касающихся категории доверия? Вероятно, данный вопрос заслуживает самостоятельного полноценного анализа.

В диссертационном же варианте, например, параграф 4.2., рассматривающий доверие в цифровой среде, в значительной степени повторяет общетеоретические положения о доверии (которые автор в той или иной степени раскрыл в первой главе) либо в большей мере ориентирован на исследование скорее технических, нежели правовых вопросов цифровой среды, не имея в виду специфику (при ее наличии!) реализации правового института доверия в цифровой среде (стр. 278–280).

Официальный оппонент, доктор юридических наук, профессор **Крусс Владимир Иванович** положительно оценив диссертацию, отметил, что в работе имеются положения, носящие дискуссионный характер:

1. Учитывая тематику и направленность диссертационного исследования, автору, как нам представляется, следовало провести своего рода концептуально взвешенную терминологическую «рекогносцировку». Очевидно, в частности, что синтетическая конструкция ст. 751 Конституции РФ не предполагает исключительного утверждения принципа взаимного доверия государства и общества как элемента правовой системы Российской Федерации, но означает, в том числе, специфическую характеристику прескриптивного гарантирования такого доверия («создание условий» для его воплощения) как конституционной ценности и цели

жизни российского народа. Полагаем, что только таким образом можно обосновать и заявленное в название диссертации отнесение соответствующего положения к номинации основ конституционного строя Российской Федерации, местом содержательной экспликации которых определена, как известно, гл. 1 Конституции РФ. С позиций такого (комплексного) восприятия представлены актуальность и новизна диссертационного исследования (с. 3, 13 автореферата и диссертации), однако последовательно оно не проводится, и феномен доверия терминируется, преимущественно, как сугубо конституционный, а нередко – и правовой принцип. Причем в позитивистской стилистике принципа обязывающего, а не ориентирующего и гарантирующего; принципа многоаспектного, нормативно значимого и воздействующего как на «вертикальные» связи (в форматах публичного властвования), так и на «горизонтальные» отношения контрагентов гражданского общества (гл. 3 и 4 диссертации). Между тем, диссертант не всегда учитывает, что, например, рассуждая о принципе доверия, направленном и на поддержание доверия – как ценностно окрашенного состояния и атрибута провозглашаемого правопорядка (с. 3–6, 8–10, 12 автореферата и диссертации), – мы приходим к полисемии, чреватой рисками смысловой неопределенности, логических сбоев и скорее затрудняющих правовое воздействие деклараций.

2. Анализируя значение конституционного принципа доверия, диссертант обращается к научно-философскому вопросу о сущности доверия как такового. При этом исключая из когнитивной композиции этого феномена интуитивную составляющую и противопоставляя ей «рациональную оценку надежности». Одновременно теряется связь упомянутого в преамбуле Конституции РФ «гражданского мира и согласия» с верой в добро и справедливость, хотя о самих этих ценностях (как «абсолютных» и «смысложизненных») упоминается неоднократно. Такая эпистемологическая позиция (с. 11–12 автореферата и 37–43, 44–49, 111–113, 177–188, 329 диссертации) имеет, разумеется, право на существование, но ее трудно назвать последовательной. Поскольку, в частности, автор солидаризируется с учением И.А. Ильина о ключевой связи легитимирующего доверия граждан к государству с духовно-нравственной, т.е. во многом – иррациональной аксиоматикой

правосознания (с. 5 автореферата и 48–49, 51, 91 диссертации). И в таком случае нельзя «оставлять за скобками» то обстоятельство, что доверие как атрибут «нормального правосознания» философ обуславливает ростом государственности по мере душевно-духовного возрастания человечества. В то время как рационально-интеллектуальная прогрессия может, к сожалению, в корне противоречить такому возрастанию. Также и вполне взвешенная оценка функциональной надежности, например, создаваемых государством фискальных институтов и средств, с доверием в конституционно-правовом смысле соотносится не всегда. Конституционное доверие, на наш взгляд, это отчасти рациональная и в целом позитивная оценка намерений и дел государства, как субъекта права, на чью порядочность, честность, ответственность могут надеяться и осмотрительно рассчитывать исключительно в целеполагании общего конституционно достоверного блага. Рационально взвешенная – с учетом принципиальных требований предсказуемости и стабильности – оценка деятельности государства и ее результатов наиболее актуальна для экономических (гражданский оборот) и фискальных отношений и процессов, что находит подтверждение в правоустанавливающих положениях и актах Конституционного Суда РФ. Однако социально-экономическим измерением полнота и ценность конституционного правопорядка далеко не исчерпывается.

3. Стремление связать принцип, выводимый из положения ст. 751 Конституции РФ, с многообразием конституционно значимых общественных отношений, ведет автора диссертации к необходимости его содержательного согласования с конституционными положениями, предопределяющими опосредование конституционного правопользования (с. 13–15, 19 автореферата и 89–92, 332 диссертации). Мы согласны с интенцией, отсылающей к конституционному правопониманию, однако не находим в диссертации необходимого для ее реализации методологического перехода. Поэтому хотелось бы услышать мнение диссертанта о возможности и целесообразности утверждения, наряду с принципом взаимного доверия государства и общества, иного – содержательно многообразного – принципа взаимного доверия субъектов конституционного правопользования, как онтологически и функционально соотнесенного с принципом и презумпцией их

разумности и добросовестности. А также о взаимосвязи (синергии) двух, воплощающих ценность доверия, конституционных принципов и о том, насколько это соотносится с авторской трактовкой их осуществления в законодательстве (с. 15–16 автореферата и 129–131 диссертации).

4. Фокусная конкретизация конституционного принципа доверия наиболее продуктивно проявляет себя в рамках апофатической методологии. В этой связи выделяется предложение диссертанта установить в ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» критерии, на основе которых Государственная Дума вправе принимать решение о недоверии Правительству РФ (с. 17–18 автореферата и 199–201, 338–339 диссертации), но оценить перспективную эффективность таких критериев вряд ли возможно. В частности, юристу должны быть очевидны материальные и процессуальные трудности установления причинно-следственной связи между публично-властными действиями и «возникновением чрезвычайных (кризисных) ситуаций». Не вполне понятен и смысл приравнивания неудовлетворительной оценки деятельности публично-властного лица к утрате доверия в его отношении. Почему нельзя удовлетвориться легальной связью такой оценки с «конституционной санкцией»? Однако наиболее сложным, как нам представляется, является вопрос о причинах того, почему институционализация утраты доверия в тексте Конституции РФ не касается иных высших органов государственной власти.

5. Отдельно хотим обратить внимание на заявленную в работе характеристику особенностей «конструкции правового доверия» Уполномоченного по правам человека в РФ, включая определение такого доверия как «одностороннего и безотчетного» (с. 18–19 автореферат и 339 диссертации). На наш взгляд, легальное признание деятельности наделенного публично значимыми полномочиями лица неподотчетной и/или неподконтрольной каким-либо органам и должностным лицам не означает его «иммунитета» от конституционной ответственности либо невозможности отказа такому лицу в доверии «другой стороны». Фактически здесь диссертант приравнивает к содержанию принципа доверия законодательную конкретизацию статуса субъекта публично-властных отношений. В этой связи хотелось бы услышать его пояснения о возможности экстраполяции столь

неоднозначного подхода на иные наделенные конституционными полномочиями субъекты права.

6. Как уже отмечалось, автор диссертации справедливо обращает внимание на стратегическую важность сохранения и укрепления доверия как предпосылки конституционных коммуникаций в цифровой среде и высказывает ряд соответствующих, заслуживающих внимания предложений (с. 19–20 автореферата и 264–294 диссертации). При этом без надлежащего внимания остается, как нам представляется, цель публично-властного противодействия экспоненциальному росту числа мошеннических правонарушений и схем, а также преступлений экстремистской направленности, в том числе, с опорой на ресурсы цифровизации. На наш взгляд, это упущение, поскольку без продуманной блокировки угроз цифрового мошенничества и сетевой вербовки граждан конституционные ценности взаимного доверия государства и общества и взаимного человеческого («аналогового») доверия рискуют превратиться в фикцию. Высказанные замечания носят скорее полемический характер, не снижают общего впечатления и не имеют решающего значения для нашей оценки диссертации Володиной С.В.

Официальный оппонент, доктор юридических наук, профессор **Троицкая Александра Алексеевна** положительно оценив диссертацию, отметила, что в работе имеются положения, носящие дискуссионный характер.

1. Один из вопросов связан с методологией исследования. Как показано далее, недочеты в этой области порождают и вполне содержательные вопросы.

1а. Хотя, как уже отмечалось, в целом избранный (социология права) подход к исследованию верен и выдерживается грамотно, само описание методологии во введении выглядит несколько хаотичным и неточным с точки зрения выделения методологических уровней. Для диссертации уровня докторской более тщательное описание методологии исследования представляется существенным.

1б. Кроме того, вызывает вопросы применение в работе сравнительного метода. Что именно он дает автору? Речь идет о вкладе в построение универсальной теории принципа доверия (тогда почему соответствующие материалы о БРИКС идут в конце работы)? Или о выявлении различных моделей имплементации исследуемого

принципа (тогда, возможно, их стоило бы более четко артикулировать)? Или об иллюстративном материале (но точно ли он, хотя и будучи интересным, но больше информационным, нужен в докторской диссертации, а не, например, в издании учебного характера)? Этот же вопрос адресуем и самому началу параграфа первого третьей главы (с. 178-179 диссертации), где приводятся в, скорее, информационном ключе некоторые данные о зарубежных конституциях, в отсутствие объяснения их появления и внятного перехода к РФ немного сбивающие драматургию повествования, поскольку параграф назван «Принцип доверия в конституционной модели взаимодействия Государственной Думы и Правительства Российской Федерации».

1в. Связанный с предыдущим вопрос касается отношения к рассмотренному в работе опыту КНР. Система социального доверия в Китае (社会信用体系) содержит аллюзию на искренность, готовность отвечать за свои действия перед коллективом, и, как справедливо отмечается в литературе (Рувинским Р. и др. авторами), базируется на серьезном философском фундаменте («Совершить ошибку и осознать ее — в этом заключается мудрость. Осознать ошибку и не скрыть ее — это и есть честность», Цзи Юнь). Переносим ли соответствующий опыт в другие страны? Можно ли здесь говорить о «лучших практиках» (с. 325 диссертации)? или только о «лучших для конкретного времени и места»? Не превратятся ли отдельные механизмы, выведенные из контекста китайской социальной среды (о значении которой пишет и сама автор, с. 319-321 диссертации), в средство, не просто меняющие наши представления о доверии, а превращающие его в механизмы достаточно серьезного, чтобы не сказать агрессивного, контроля? Тем более, насколько меры, ударяющие не только по тем, кто вел себя «небезупречно», но и по их детям (а элементы такой задумки присутствуют в китайских инструментах социального доверия), совместимы с ключевой идеей гражданского мира и справедливости в России?

2. Еще одно замечание связано с объемом исследования. Хотя объять необъятное действительно было бы проблематично, но все же очень заметно, что глава 3 работы называется достаточно широко («Осуществление принципа доверия в системе публичной власти в России»), а при этом внутри нее есть только два

параграфа, и посвящены они Государственной Думе и Правительству, а также Уполномоченному по правам человека. Очевидно, названные органы при всей их важности – далеко не вся система публичной власти в России. За рамками рассмотрения в этой главе по не вполне понятной причине остались Президент РФ (поскольку упоминание его «активной роли» во взаимодействии Государственной Думы и Правительства, в том числе при формировании последнего, очевидно не исчерпывает проблематики), суды, а также уровень субъектов РФ и муниципальный уровень. Хочет ли автор сказать, что принцип доверия не применим или не реализуется в их деятельности? (Это едва ли так, если учесть, что во второй главе автора сама анализирует соответствующие позиции КС РФ.) Или что дело не в этом, а просто она была ограничена объемом исследования? С хорошей точностью похожий вопрос может быть адресован и четвертой главе работы. Ее наименование – «Осуществление принципа доверия в институтах гражданского общества России. Зарубежный опыт реализации правового доверия». Даже по названию видно, что в главе соединены разные темы, и по заголовкам не очень понятно, почему зарубежный опыт присоединен именно к сюжету о гражданском обществе, а не, например, публичной власти (хотя при чтении и можно домыслить, что иностранный опыт представлен отдельным параграфом в данной главе, потому что он в значительной степени сфокусирован на цифровых инструментах). Но кроме того, из гражданского общества тут фигурируют только общественные объединения и цифровая среда, что, опять же, не исчерпывает всех институтов гражданского общества России.

3. Отдельные вопросы вызывают некоторые положения на защиту (что, отметим в скобках, абсолютно естественно, поскольку если бы их не было вовсе, под вопросом была бы новизна исследования, а это явно не так в данном случае).

3а. Хотя самая первая фраза в положениях на защиту («правовое доверие — это рациональная оценка надежности, а не интуитивная», с. 11, автореферата, диссертации) вызывает поддержку (особенно если учесть, что под интуицией очень часто скрывается серия быстрых и неосознаваемых, но тем не менее проведенных мозгом рациональных операций), но вторая («Основывается на наличии институциональных гарантий, носит деперсонализированный характер») не столь

ясна, и не выглядит основательно фундированной в работе. Доверие изначально – феномен из области работы сознания; касается отношения к (добропорядочным, правовым) намерениям другого лица или лиц. Может ли оно в принципе носить деперсонализированный характер?

3б. В пятом положении, выносимом на защиту (с. 13 автореферата, диссертации), перечислены статьи Конституции, которые, по мнению автора, составляют конституционную основу принципа доверия. Такое перечисление не может не вызвать вопрос – почему именно эти статьи? Почему не другие? Почему не вся глава 1 и 2 Конституции РФ? Почему не целый ряд положений глав, посвященных функционированию публичной власти в России?

3в. В том же пятом положении сделан акцент на недопустимости «произвольных изменений законодательства». Но что это означает? Чем произвольное изменение законодательства, по мнению автора, отличается от непроизвольного? Предполагается ли тут применение критериев принципа соразмерности ограничения прав (наличие конституционно-значимой цели, пригодности и минимальной инвазивности применяемых средств, пропорциональности ограничения прав), или имеется в виду что-то другое?

3г.Также не вполне ясно, как по пятому положению на защиту, так и по основному тексту диссертации, что означает фраза «Принцип доверия в среде гражданского общества означает, что гражданин, действуя правомерно, проявляя разумность и добросовестность полагается на адекватные и предсказуемые действия со стороны другого гражданина либо граждан (общественных объединений) не злоупотребляющих правом». Кроме того, что фраза в самом конце, очевидно, нуждается в более тщательной редакции и согласовании по падежу и пунктуации, еще в контексте конституционно-правовой науки необходимо очень четко представлять, что такое «злоупотребление правом». Скажем, взвешенная и аргументированная критика власти и конкретных должностных лиц – это злоупотребление свободой слова, или нормальная часть ее содержания?

3д. Положение шестое, выносимое на защиту (с. 14-15 автореферата, диссертации), выглядит как верное утверждение, но не совсем понятно, в чем именно

автор усматривает его новизну и связь со своей темой. Этот же вопрос относится и к достаточно пространному цитированию в основной части работы разных авторов по проблеме того, что есть конституционализм (с. 115–120 диссертации) и конституционализация (с. 120–126 диссертации), поскольку никаких новых утверждений на этой основе в итоге не делается, а практические примеры, которые могли бы в новом свете представить рассматриваемые идеи, иногда заканчиваются не утверждениями автора, а риторическими вопросами к читателю (напр., о ФЗ «О молодежной политике…», с. 133 диссертации).

4. Наконец, последнее замечание связано с некоторой тенденцией, прослеживающейся по работе, – не всегда понятно, как те или иные сюжеты, связаны с темой всей диссертации. Это очень распространенная проблема, когда автору, который, безусловно, глубоко погружен в проблематику, эта связь представляется очевидной, и не требующей постоянных объяснений и «возвращений к теме». Тем не менее, для читателя это регулярно не так. Например, буквально проблеме доверия применительно к институту Уполномоченного по правам человека в первой части посвященного ему параграфа уделяется не так много места (8 строк на с. 203 диссертации), а дальше (с. 204-219 диссертации) идут отдельные характеристики элементов статуса Уполномоченного, и без специального пояснения остается не всегда ясно, как каждая из называемых характеристик связана с проблемой доверия. Те же пояснения, которые встречаются («доверие, которым наделяется кандидат, назначенный Уполномоченным по правам человека в РФ, имеет односторонний, безотчетный характер», с. 206) сами по себе, скорее, вызывают вопросы, чем отвечают на них. Краткое финализирующее резюме на с. 221 не выглядит достаточным в этом контексте, поскольку оставляет заметный разрыв между ходом рассуждений и итоговым выводом, хотя такой разрыв, безусловно, может быть восполнен должными интеллектуальными усилиями читателя. Тем не менее, вторая часть этого же параграфа про деятельность Уполномоченного (с. 229-233 диссертации) демонстрирует, каким именно образом сама автор могла бы достраивать эту связь, потому в части, где речь идет о взаимоотношениях заявителей и должностного лица, это как раз сделано должным образом и даже не без изящества,

с полной фокусировкой на ключевой проблематике. Тем самым и возникает ситуация, когда утверждения не просто звучат, а подкрепляются обоснованиями.

На автореферат поступило 5 положительных отзывов:

1. В отзыве доктора юридических наук, профессора, директора юридического института, профессора кафедры конституционного и административного права федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», **Е.В. Титова** обращается внимание на ряд вопросов, которые представлялось бы целесообразным затронуть при защите диссертации: положение 1,вынесеннное на защиту, определяет правовое доверие как рациональную, а не интуитивную оценку надежности. Вместе с тем в параграфе 1.1 автор характеризует доверие как феномен, имеющий «собственную бытийную сущность» и основанный на «открытости к межличностному общению», что сближает его с социально-психологической, не всегда рациональной природой. Из автореферата не вполне ясно, каким образом рациональный (когнитивно-оценочный) характер правового доверия сочетается с признаваемой автором генетической связью правового доверия с более широким феноменом социального доверия. Представляется целесообразным пояснить механизм перехода социального доверия, включающего интуитивные компоненты, в правовое доверие как рациональную оценку.

Обосновывая четырехаспектную структуру принципа доверия (доверие граждан к государству; государства к институтам гражданского общества; в системе публичной власти; в сфере гражданского общества), автор не раскрывает в автореферате критерий, по которому именно данные четыре аспекта признаются исчерпывающими проявлениями принципа, и не показывает характер соотношения между ними (субординацию либо координацию). Остается открытым вопрос о том, обладают ли перечисленные аспекты равным нормативным значением, либо один из них выступает системообразующим по отношению к остальным.

Предложение дополнить статью 15 ФЗ «Об общественных объединениях» принципом доверия как одним из основополагающих принципов создания и

функционирования общественных объединений (положение 12) сформулировано в достаточно общем виде. Из автореферата не следует, каким образом законодательное закрепление принципа доверия в указанной норме обеспечит его практическую реализуемость и защиту в правоприменительной, в том числе судебной, практике, в отличие от иных, более определенных механизмов, предложенных автором применительно к статусу Уполномоченного по правам человека в РФ и Правительства РФ.

2. В отзыве кандидата юридических и доктора исторических наук, профессора, профессора кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет «РИНХ» **Л.Г. Берлявского** отмечены дискуссионные вопросы, которые нуждаются в уточнении позиции диссертанта: не во всем убедительно раскрыто понятие правовое доверие с акцентом на то, что оно выступает в качестве нематериального актива демократического государства (п.1 положений, выносимых на защиту). Правовое доверие способно выступать в качестве подобного актива и в недемократическом государстве, поскольку оно обеспечивается в конечном счете установленными правовыми средствами. В этом плане полезно проследить соотношение понятий «правовое доверие» и «легитимность».

Диссертация только выиграла бы, если бы была прослежена эволюция принципа доверия. В частности, одной из древнейших форм доверия были фидуциарные (доверительные) правоотношения в римском частном праве, в которых исполнение базировалось на нравственной обязанности сторон действовать добросовестно. В римском публичном праве государство или магистрат действовали с опорой на доверие (в особенности при наделении кого-либо особыми полномочиями). В международном публичном праве на протяжении длительного времени известен институт мер доверия.

3. В отзыве доктора юридических наук, профессора, заместителя декана факультета права по научной работе, профессора департамента публичного права, факультета права, «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», **А.А. Ларичева** отмечается необходимость уточнить позицию по одному

вопросу в ходе защиты диссертации: наряду с разработкой теоритической конструкции и определением конституционно-правового воплощения принципа доверия диссертант в пп. 10-13 положений, выносимых на защиту, предлагает конкретные формы реализации рассматриваемого принципа в текущем законодательстве. Если применительно к предложениям, связанным с оптимизацией института доверия Правительству РФ, прослеживается связь между конституционным принципом и его законодательным воплощением – как содержательно, так и с точки зрения использования соотносимой юридической терминологии, - то, например, в п. 13 положений такая связь не представляется очевидной.

В частности, автор отмечает, что ключевыми инструментами и механизмами обеспечения доверия выступают существующие и перспективные институты идентификации субъектов общественных отношений в цифровой среде, включая институты электронной подписи, биометрической идентификации и цифровых платформ. В связи с этим возникает вопрос: каким образом и в каких именно правовых нормах принцип доверия должен получить формальное выражение применительно к указанным институтам? С реализацией какого из четырех содержательных аспектов принципа доверия, выделенных в п. 4 положений, выносимых на защиту, соотносятся соответствующие предложения автора?

4. В отзыве доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой конституционного и международного права ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел России» **П.А. Астафичева** отмечается необходимость уточнить позицию соискателя по дискуссионным моментам в ходе защиты диссертации.

Идея институционализации персональной ответственности членов Правительства РФ перед Государственной Думой посредством выражения данной палатой им недоверия (С. 32) нуждается в дифференцированном подходе с учетом, как минимум, следующих двух факторов: во-первых, различий в статусе Председателя, заместителей Председателя Правительства РФ и федеральных

министров; во-вторых, федеральных министров, деятельность которых подведомственна непосредственно Президенту РФ, и иных федеральных министров.

5. В отзыве доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» **И.А. Кравец** отмечается необходимость уточнить позицию соискателя по дискуссионным моментам в ходе защиты диссертации.

Автор детально исследует осуществление принципа доверия в системе публичной власти и предлагает усиление конституционной ответственности Правительства РФ перед Государственной Думой. Вместе с тем конституционный принцип доверия предполагает и доверие граждан к органам публичной власти, в том числе к представительным органам, избранным на демократических выборах. В этой связи хотелось бы прояснить позицию автора относительно необходимости совершенствования конституционной ответственности Государственной Думы, законодательных органов субъектов РФ и представительных органов муниципальных образований перед избирателями. Являются ли действующие правовые механизмы взаимодействия избирателей с депутатами достаточными для поддержания доверия граждан к государству?

Также хотелось бы прояснить позицию автора относительно института отзыва депутата избирателями. Является ли данный институт необходимым элементом в содержании конституционного принципа доверия?

В работе (заключение, с. 323 диссертации) предлагаются некоторые меры по совершенствованию действующего законодательства (в частности ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»), которые, очевидно, требуют применения метода конституционно-правового проектирования. Однако данный метод не обозначен в методологической части автореферата и диссертации и как следствие в диссертации отсутствует приложение в отношении проекта НПА, фиксирующего предложенные изменения. Автор диссертации мог бы

продемонстрировать мастерство владения правилами юридической и законодательной техники в качестве важного элемента научной квалификации.

В диссертации (и как следствие в автореферате) большое внимание уделяется принципу доверия в конституционном строе России (глава 2) и в системе публичной власти (глава 3). Причем в главе 3 принцип доверия рассматривается в конституционной модели взаимодействия Государственной Думы и Правительства Российской Федерации и в деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ. Ключевому институту публичной власти (Президенту РФ) в структуре диссертации не уделено должное внимание с позиций работы принципа доверия, хотя российский президенциализм является и элементом конституционного строя, модели конституционализма и системы органов публичной власти.

Представляется важным на защите осветить вопрос о характере и границах работы принципа доверия в отношении российского президенциализма.

Однако приведенные замечания не влияют на общую положительную оценку диссертации С.В. Володиной. В опубликованных ей работах отражено главное содержание ее исследований. Выводы основаны на достоверных результатах и хорошо аргументированы.

Выбор ведущей организации и официальных оппонентов обуславливается их соответствием требованиям, предъявляемым Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, широкой известностью в юридической науке, наличием у них соответствующих компетенций, публикаций в сфере диссертационного исследования, посвященных вопросам, близким к тематике диссертационного исследования С.В. Володиной.

Соискатель С.В. Володина имеет 20 научных публикаций, из них 16 научных статей по теме диссертации, опубликованных в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Наиболее значимые научные работы по теме диссертации:

1. Володина С.В. Правовое доверие как основа устойчивости правовой системы общества: российское измерение // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 7 (92). — С. 37 - 42.

2. Володина С.В. Диалог и доверие: юридические нормы и политические практики // Lex Russica. (Русский закон). — 2018. — № 8 (141). — С. 88 - 95.

3. Володина С.В. О применении принципа доверия в конституционной модели разделения властей в Российской Федерации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 12 (112). — С. 115 - 123.

4. Володина С. В. О понятии «принцип» в конституционном праве // Lex Russica. (Русский закон). — 2023. — Т.76. — № 12. (205). — С.52 - 60.

5. Володина С. В. Доверие в масштабе BRICS на примере Бразилии // Lex Russica (Русский закон). — 2024. — Т.77. — № 3. (208). — С. 107 - 115.

6. Володина С.В. Аксиология правового доверия: от конституционного измерения к практике медиации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) — 2024. — № 9 (121). — С.185 - 194.

7. Володина С.В. Ресурсы доверия и международная политика Индии в формате BRICS // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т.19. — № 9 (166). — С. 158 -166.

8. Володина С.В. Конституционная ценность доверия // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т.20. — № 3 (172). — С. 75 - 86.

9. Володина С.В. Социальное доверие и нормативно-правовое измерение в опыте китайского общества: ценностный аспект // Lex Russica. (Русский закон). — 2025. — Т.78. — № 10. (227). — С. 82 - 89.

10. Володина С.В. Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — №11 (180). — С. 19 - 28.

11. Володина С.В. Роль институтов гражданского общества в реализации принципа доверия в цифровой среде // Конституционное и муниципальное право. — 2025. — № 12. — С. 30-34.

12. Володина С.В. Сущность и содержание конституционного принципа доверия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. — № S3 (127). — С. 157 - 166.

13. Володина С.В. Роль Президента РФ в реализации принципа доверия// Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) — 2025. — №9 (133). — С. 103-111.

14. Володина С.В. Нормативно-правовые и ценностные основы взаимодействия в сфере международного научно-образовательного пространства в условиях кризиса доверия // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т.21. — № 4 (185). — С.19 - 25.

15. Володина С.В. Взаимное доверие как ценность и цель взаимодействия государства и общества // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 5 (186). — С.27 - 35.

16. Володина С.В. Правовое доверие в организации и деятельности общественных объединений // Lex Russica (Русский закон). — 2026. — Т. 79 — №6 (235) — С. 57-65.

Все публикации соискателя полностью соответствуют теме диссертационного исследования и отражают его содержание.

Диссертационный совет отмечает, что на основании выполненных соискателем исследований внесен вклад в развитие темы правового доверия в Конституционном праве Российской Федерации.

Диссертационный совет подтверждает актуальность и новизну научного исследования.

Научная новизна диссертации состоит в том, что на основе теоретического, нормативного и эмпирического материала разработана концепция принципа доверия в системе основ конституционного строя Российской Федерации, его конституционной природы и содержания, регулятивного потенциала, соотношения с иными принципами конституционного строя России.

В диссертации уточнено понимание конституционных ценностей и принципов; раскрыта роль и значение принципа доверия в конституционализации правовой

системы и конституционной судебной практике. Дано авторское определение правового доверия.

Обосновано, что конституционный принцип доверия не сводится исключительно к его трактовке как доверия граждан к государству и законодательству. Содержание принципа доверия, составляющего одну из основ конституционного строя Российской Федерации, включает четыре аспекта.

В исследовании определены направления совершенствования реализации принципа доверия в правовых взаимоотношениях Государственной Думы и Правительства РФ. В целях совершенствования статуса Уполномоченного по правам человека в РФ сформулировано предложение о необходимости дополнить правовое регулирование процедуры досрочного прекращения полномочий в рамках конституционной ответственности, положениями, которые бы отвечали требованию правовой определенности.

Выявлено, что правовое доверие является неотъемлемым составляющим в организации и деятельности общественного объединения. Уделено особое внимание специфике реализации принципа доверия в «цифровой среде». Обоснована перспективность формирования общественно-государственных рабочих групп с участием НКО, в том числе в рамках деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, а также аналогичных органов в субъектах РФ для совершенствования нормотворческой и правоприменительной деятельности указанных органов, ориентированной на обеспечение доверия в цифровой среде.

Выявлены тенденции реализации правового и социального доверия в зарубежных государствах (на примере стран БРИКС). Общей тенденцией государств БРИКС является развитие информационного общества, посредством внедрения цифровых технологий для обеспечения доверия граждан к «цифровой среде» и государству.

По итогам проведенного исследования диссертантом обоснованы новые теоретические положения и практические выводы, рекомендации по

совершенствованию действующего законодательства на основе реализации принципа доверия.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке концепции принципа доверия в системе основ конституционного строя Российской Федерации; предложено авторское понимание конституционно-правовой природы принципа доверия, обусловленного конституционной ценностью «гражданского мира и согласия»; раскрывается регулятивный потенциал принципа доверия, формы его осуществления в процессе конституционализации правовой системы России; на основе анализа правовых позиций Конституционного Суда по интерпретации принципа доверия заключено, что данный принцип определен конституционной ценностью основ конституционного строя, идеальной моделью правовых отношений и применяется в качестве критерия проверки законодательства. Содержащиеся в диссертации теоретические выводы формируют основу для дальнейших исследований в конституционном праве.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования сформулированных выводов и предложений в нормотворческой и законотворческой деятельности органов публичной власти в Российской Федерации. Автором сформулированы предложения по совершенствованию Регламента Государственной Думы, в части дополнения процедуры о конституционной ответственности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации; по совершенствованию процедуры конституционной ответственности Правительства и членов Правительства РФ и изменении положений Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации».

По итогам проведенного исследования в диссертации сформулированы предложения по совершенствованию Федерального закона «Об общественных объединениях», федеральных нормативных правовых актов регулирующих взаимодействие федеральных государственных органов и институтов гражданского общества в целях обеспечения доверия в цифровой среде.

Материалы проведенного исследования могут применяться в процессе преподавания дисциплин «Конституционное право России», «Конституционное право зарубежных стран» и других.

Степень достоверности результатов подтверждаются многообразием используемых методов исследования, изучением при подготовке диссертации фундаментальных трудов по теории государства и права, конституционного права, отраслевым юридическим наукам, социологии, политологии, а также широким спектром используемого нормативного и эмпирического материала: нормативных правовых актов, судебных решений, статистических данных и результатов социологических опросов, достоверность которых обеспечивается посредством транспарентности и верифицируемости, а также аргументированностью положений и выводов, содержащихся в работе.

Личный вклад соискателя состоит в самостоятельном получении результатов исследования, обладающих научной новизной и имеющих высокую теоретическую и практическую значимость. Автором лично разработаны содержащиеся в диссертации теоретические положения и практические предложения по усовершенствованию Российского законодательства. Основательно проработана концепция правового доверия и места принципа доверия в системе основ конституционного строя Российской Федерации. Автор лично подготовил научные статьи, содержащие основные выводы исследования.

В ходе защиты диссертации были заданы вопросы:

1. Артемов Н.М.: «Светлана Вячеславовна спасибо большое за доклад, аргументированный, все ясно, понятно, но возникает вопрос исходя из положения 4 выносимого на защиту, в чем заключается доверие государства к институтам гражданского общества?»

2. Зубарев С.М.: «Вопрос по 9 положению выносимому на защиту, вы пишите «Обосновано, что КС РФ, разрабатывая доктрину и догму современного российского права, обосновал и интерпретировал принцип доверия. Насколько корректно наделение высшего судебного органа конституционного контроля подобными полномочиями, все таки у него наверное иной функционал?»

3. Минбалеев А.В.: «Вопрос связан с обеспечением доверием в цифровой среде, вы даете определение цифрового доверия и указываете что оно представляет собой совокупность поведенческих установок культурных норм и технологических практик на которых строятся ожидания субъекта цифровой среды в отношении

конфиденциальности, безопасности, защиты и ответственного управления данными. У меня в связи с этим вопрос, почему вы отдельно разграничиваете конфиденциальность, безопасность, защита и ответственное управление данными? Вы видите какое то принципиальное отличие между этими категориями? И второй вопрос в 13 положении выносимом на защиту применительно к биометрии, вы говорите о том что закон должен прямо запрещать сбор биометрических данных без явного, отдельного, письменного, согласия и запрещать их использование для эмоционального и поведенческого скоринга. У нас и так в законе предусматривается что персональные данные будут обрабатываться только с письменного согласия, вы предполагаете дополнительные критерии к этому согласию?»

4. Благодир А.Л.: «Светлана Вячеславовна, как проявляется принцип доверия через положение статьи 7 Конституции о социальном государстве?»

5. Отческая Т.И.: «Уважаемая Светлана Вячеславовна, в 10 положении выносимом на защиту, в первой фабуле вы говорите что вами выявлено, что сложившаяся модель взаимодействия Правительства РФ и Государственной Думы в рамках Конституции, действующего федерального законодательства, Регламента Государственной Думы и практики их применения свидетельствует о расширении направлений и форм их взаимодействия, будьте любезны на каком то примере можете подтвердить?»

Соискатель С.В. Володина развернуто ответила на заданные ей в ходе заседания вопросы, должным образом аргументировала свою позицию и ответы.

Диссертационный совет пришел к выводу, что диссертация С.В. Володиной представляет собой самостоятельную, завершенную научно-квалификационную работу и соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года №842.

На заседании 29.09.2026 диссертационный совет принял решение за разработку теоретических положений, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, присудить Володиной С.В. ученую степень доктора

юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

При проведении тайного голосования с использованием информационно-коммуникационных технологий диссертационный совет в количестве 21 человека (17 - очно, 4 - дистанционно) из них 21 доктор наук по специальности, рассматриваемой диссертации, участвовавших в заседании, из 23 человек, входящих в состав совета, проголосовали: за - 21, против - 0.

Заключение подготовили:

Доктор юридических наук, доцент М.В. Варлен

Доктор юридических наук, профессор Б.В. Россинский

Председатель
диссертационного совета,
д.ю.н., профессор О.В. Болтинова

Ученый секретарь
диссертационного совета,
д.ю.н., профессор Ю.К. Цареградская

29 сентября 2026 года